

Андрей Колясников
С чего все начиналось

Рассказы

Андрей Колясников

С чего все начиналось. Рассказы

«Издательские решения»

Колясников А.

С чего все начиналось. Рассказы / А. Колясников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905814-0

Не боишься заглянуть внутрь себя, в самые темные уголки своей души? Хочешь узнать то, от чего жизнь твоя уже не будет прежней? В таком случае эта книга для тебя. Ridero представляет сборник рассказов «С чего все начиналось». А. П. Колясников является мастером короткого фантастического рассказа и лучшим мистификатором современности. Все твои кошмары в одной книге.

ISBN 978-5-44-905814-0

© Колясников А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
СЕРИЯ РАССКАЗОВ «ЖИЗНИ ВОПРЕКИ»	7
ТЕПЛО ХОЛОДНОГО КРАЯ	8
ЧТО-ТО ПОШЛО НЕ ТАК	12
УПЫРЬ	17
ПРИЗРАКИ	20
ЖИЗНИ ВОПРЕКИ	24
ФАНАТ	27
ВЫХОДЯЩИЙ ИЗ МОРЯ ЗВЕРЬ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

С чего все начиналось

Рассказы

Андрей Колясников

Иллюстратор Андрей Павлович Колясников

© Андрей Колясников, 2021

© Андрей Павлович Колясников, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4490-5814-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Многие рассказы, в этой книге, я начал писать еще в конце 90-ых, такие как: «С чего все начиналось», «Тоннель – вернуться домой», «Мертвая реальность» и т. д. Но в 2000-ых мне пришлось их изменить, из-за продвижения технологий. В своих рассказах я не хотел оскорбить кого-либо, а лишь высказал на то время собственное мнение.

СЕРИЯ РАССКАЗОВ «ЖИЗНИ ВОПРЕКИ»

«Люди так часто смотрят назад, чтобы увидеть, что у них впереди, но если бы они смотрели под ноги, то знали бы, что происходит сейчас... .. это война».

(А. П. Колясников, Май 2013 год).

ТЕПЛО ХОЛОДНОГО КРАЯ

Алексей не видел людей уже довольно давно, если не считать Сергея, но и тот, в понимание Алексея Андреевича, ни более чем медведь, лишь с различием местного колорита, бурый. Сергей Валерьевич Сомов, может и ассоциировался у Марьина с сильным волосатым зверем, но все же был своим, родным молчуном, напоминавший о «большой земле», которая еще была далеко, и Луна казалась ближе.

Командировка подходила к концу, как и год невыносимой тоски. Возвращение домой должно было стать, как первый день здесь, наполненный свободой. Казалось, где может быть большей свободы, чем на этом, так сказать, «крайнем севере», но снега превратили мир, вокруг Марьина, в некую «зону отчуждения», заковавшую своих гостей в ледяную камеру.

Последний день. Можно наслаждаться, пить спирт с молчуном, но как назло антенны были сбиты местными зверями, и по утвердившемуся уже давно графику по обслуживанию станции, сегодня была очередь Алексея. Когда Марьин шел к точке, что вытянула его на мороз, был полный штиль, но лишь стоило повернуть назад, как ветер заглянул в гости. Будто озорной

мальчишка со двора, ветер свистел так, что закладывало уши, он бил по щекам и забирался холодными руками под одежду, лаская вспотевшую скорлупу человека.

Быстро передвигая лыжи, Алексей захлебнулся сопротивлением дыхания. В мире, сотканном из белой ткани, можно легко заблудиться – здесь верх и низ едины, лишь мазки серого и синего, во всех их оттенках, на полотне местной картины. Следы на снегу покажут пилигриму путь в тепло деревянной колыбели льдов, главное, не сворачивать с него.

Скрип подножной крупы смешался с эхом волчьего стога. Вой был все ближе и ближе, пока не стал настолько сильным, что предал себе очертание в виде четырех силуэтов на пути Марьина. Волки бежали в предвкушение сладкого мяса, и этих «гурманов» мог остановить только выстрел.

Вскинув винтовку, Алексей смотрел через прицельную планку, но усталая дрожь в руках отводила наказание от серых обидчиков – три выстрела, все в «молоко». Он нажал на курок еще, и кровь окрасила белое полотно севера. Прицелился... и новая жертва, затем третий волк лег на снег, но один все же достиг цели. Серый хищник прыгнул, и Марьин почувствовал дыхание смерти из оскала волка, тело хищника пролетело над головой, предавая вес тела Алексею.

Хруст, под пластиковыми опорами ног, толкнул движением вниз человека, в одно мгновение вода окутала его. Марьин попытался всплыть, карабкаясь наверх, но путь преградил лед. Искать место падения, не было времени, легкие уже сковывало в тиски. Алексей, разбивая кулаки, бился в толще замерзшей воды. Глоток, и носоглотка онемела болью, мозг взорвался, опустив веки, усмиряя хозяина.

– Как хорошо! – Алексей, не открывая глаз, наслаждался теплом. Он хотел попросить Сергея налить чаю, но воспоминания о ранее произошедшем событии, напугали его. Марьин поднял веки и немного расслабился. Он лежал на шкурах, закутанный в плед у костра в чуме. Напротив, сидел крепкий низкорослый старик, он дымил трубкой, изредка поглаживая ладонью седую бородку с длинными усами, что спускались далеко вниз.

Одежда незнакомца была из медвежьих шкур, капюшон полушубка кусал верхней частью голову своего хозяина, а взгляд его устремился на прячущегося под пледом белого человека. Старик, заметив очнувшегося «утопленника», заулыбался, и морщины открылись на его лице, а, без того, маленькие глазки стали как два резца на коже.

– Проснулись?! – Незнакомец выдохнул бриллиантовую магию, и протянул кружку Алексею. – Пейте, а то совсем плохо будет – не дойдете до деревянного чума. – Запах трав ударил в нос. Алексей залпом осушил чашу, и напиток обжег горло, будто чистый спирт он жаром опустился в желудок, закружив голову.

– Кто вы? – Выдавил из себя Марьин.

– Меня зовут Чуба, – представился старик. – Я хозяин этих мест.

Марьин слышал о том, что в этих краях есть малые народы, но их пока никто не видел.

– Я Алексей...

– Мне известно ваше имя, – перебил его Чуба – оно написано у вас на одеждах. Вы, наверное, думаете, что вас спас я? – Алексей положительно кивнул, ему было странно ученость старика в русском языке. – Нет, вы ошибаетесь. Вас спасла моя дочка Янука, а я уже слаб и очень стар, чтобы нырять за человеком под лед.

Занавес шатра отворился, и на пороге появилась прекрасная, черноволосая смуглянка с голубыми глазами. Ее стройное тело было обнажено, лишь белая шкурка на талии прикрывала бедра. Длинные волосы легли на высокую грудь. Кровь Алексея вскипела, щеки бросило в жар, он смутился, но оторвать взгляд от девушки не мог. Она очаровала его своей красотой, заставляя сердце биться чаще. Черноволосая дива присела рядом с гостем на шкуры, и Марьин почувствовал, что теряет сознание от слабости, но все же взял себя в руки.

Дева о чем-то спорила со стариком на неизвестном Алексею языке, ее голос был тонок, нежен и невинен, становилось непонятно, оправдывается она, или же наоборот, но посему Чуба

настоял на своем, и красавица виновато опустила голову, лишь изредка поглядывая на гостя исподлобья.

– Это Янука! – Пояснил Марьину, старик. – Она говорит, что вы должны решить сами, а я говорю мое слово в этих местах важнее, так как Чуба здесь хозяин. Правильно? – Алексей кивнул, хотя и не понимал, о чем идет речь, считая возраст умнее и опытнее. – Мои дни сочтены, а дочь не имеет мужа. – Теперь стало ясно, что начинается сватовство, но Марьин был и сам уже готов сделать предложение Януке, и увезти ее с собой на «большую землю», а если понадобится, то украсть обнаженную диву. – До того, как мой дух воссоединится с предками, я должен благословить вас.

– Я согласен забрать ее. – Вырвалось у Алексея. – Я готов, хоть сейчас... только скажите. Старик громко рассмеялся и, переведя дух, вновь затянул трубку.

– Не спешите, молодой человек. – Продолжал Чуба. – Вы еще ни чего не знаете. – Его лицо стало серьезным, и морщины разгладились, словно их вовсе не было, а Янука улыбалась, и ее щеки украсил румянец. – Я наблюдал за вами весь год, и понимаю, что вы хороший человек, но мы не те, кем кажемся сейчас. Вам придется остаться здесь навсегда, забыть о прошлом, оставить все и всех. Вы готовы к этому?

– Я... я не знаю. – От былой пылкости не осталось и следа, вопрос встал ребром. Алексей пытался не смотреть на Януку, но не мог оторвать от нее взгляд.

– Понимаю вас. – Чуба постучал трубкой о камень у костра, вытряхнув пепел. – Ваш ответ вы скажите на рассвете. Янука проводит вас и объяснит, что надо будет сделать. Помните, что она ваш спаситель. Идите с миром, а утром, если вы улетите, то тем скажите «нет». Да сохранят вас Боги!

Алексей был в замешательстве, он встал, и хотел было надеть куртку, но Янука остановила его:

– Не надо, там тепло! – Ее рука прикоснулась к пальцам Марьина, и вновь голова Алексея шла кругом, но теперь не от травяной настойки. Ладонь Януки была также нежна, как красота ее хозяйки.

Выйдя из чума, Марьин обомлел. Небо затянул закат, переливами красного и золотого. Вокруг зеленелась свежая трава, а вдалеке виднелась хижина, пышущая клубами дыма, как Чуба из своей трубки. Янука взяла Алексея за руку и повела по тропинке к домику. Он не чувствовал своих ног, ему казалось, что он плывет по воздуху.

– Здесь так всегда. – Говорила она. – Но это только для нас.

– Для кого, для вас? – Не понял Марьин, хотя его мозг уже давно отказывался что-либо понимать.

– Для медведей. Вы люди видите нас другими, как и весь этот мир. Коли ты захочешь забрать меня с собой, – словно прочитала она его мысли – то я не смогу. Мой мир здесь! А если ты улетишь, то не обидишь меня, лишь заставишь мое сердце скучать и грустить. Потом, меня отдадут за другого медведя, и мы больше не когда увидимся.

Алексей очень не хотел этого, но он не мог оставить все там, в прошлом.

Они уже совсем подошли к дому, и Марьин обнял ее, словно боясь отпустить. Янука приняла объятия, вслушиваясь в каждое слово, что шептал ей сильный мужчина с пышной бородой и пшеничными волосами:

– Я не знаю, что это, магия или сумасшествие, но я полюбил тебя с первого мгновенья, как увидел. Может я любил тебя всегда. Скажи, что мне сделать, чтобы быть с тобой? – Он целовал ее лицо, но она оттолкнула его, и вокруг стало все, как и прежде, заснеженным. Перед ним стоял белый медведь на задних лапах, он произнес голосом Януки:

– Позови меня на рассвете, и так ты скажешь «да». – И медведь убежал вдаль, сливаясь с горизонтом.

Когда Марьин зашел в дом, он услышал от Сергея больше слов, чем за целый год. Сергей ругался и бранился, говоря о том, что потерял его, и хотел было начать поиски, но Алексей этого не слышал – перед глазами была она, похитительница его сердца и разума, Янука. Он ворочался всю ночь в поисках самого главного ответа в своей жизни, и он его нашел...

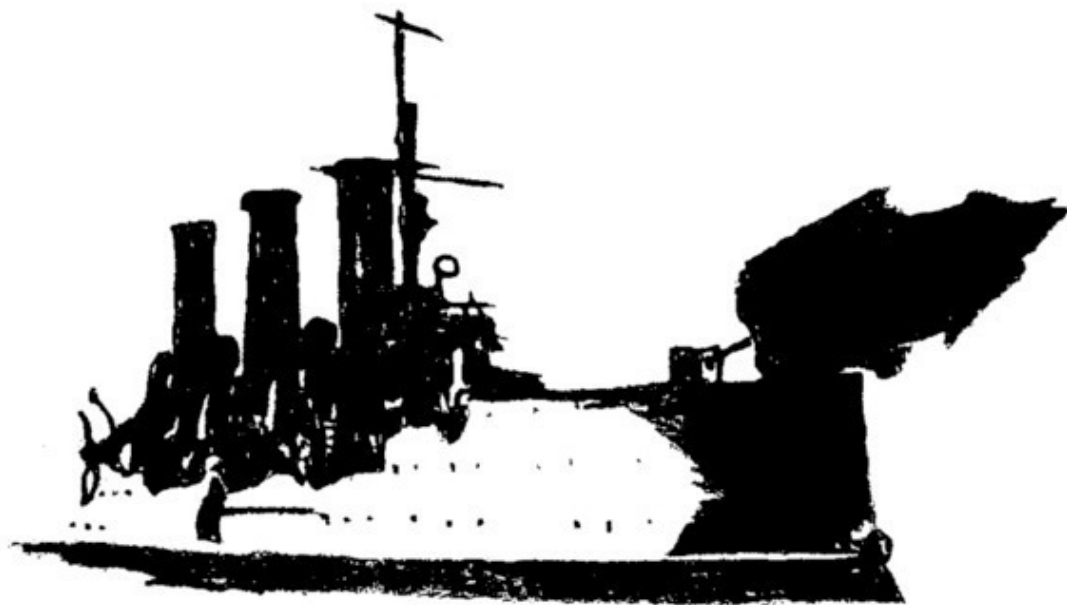
Лишь первый луч солнца проник в окно, Марьин, вскочив с кровати, и выбежал за дверь.
– Янука! – Голосом взрывал он холод.

От крика проснулся Сергей, увидев, что Алексея нет на его койки, а вещи на месте, он заподозрил неладное. Лишь Сомов отварила дверь, как тут же ее захлопнул, за ней было два медведя. Сергей схватил флешь-веер, но звери уже пропали.

Более Алексея Андреевича Марьина никто не видел. Поговаривают лишь, что к этому домику часто приходит белый медведь с уголком пшеничного цвета на груди, а с ним всегда его голубоглазая медведица, Янука.

(Январь, 1999 год).

ЧТО-ТО ПОШЛО НЕ ТАК

– Что это – метеорит? – У Семена округлились глаза. Он, как и Илья, никогда не видел ничего подобного, поэтому промолчал, чтобы не выглядеть дураком, после того, когда все выяснится.

Яркая вспышка с хвостом кометы появилась в небе, не затухая, она стремилась упасть. Медленно, еще медленней, тлеющий небесный уголек приближался к земле. Прямо над центром поля, в какие-то полметра, он остановился на долю секунды, видно, чтобы подумать, стоит ли портить пашню, или может выбрать иное место, например реку, разделяющую лес от полей. Решение принято – стоит! Космический светлячок погас, не издав и звука, лишь поднимая в воздухе круги клубов пыли сырой земли.

Минута... еще одна... и еще. Друзья молчали. Их страх рождал видения, а яркие волны луны, вторили иллюзиям.

Там, где небесный путник устроил ночлег, появился человек. Он будто вынырнул из земли, огляделся по сторонам, и направился к молодым людям. Человек ступал на комья земли, где черт ногу сломит, словно это было ему привычно.

– Бежим отсюда! – Дрожащим голосом сказал Семен, но тело его не слушалось. Страх и непонимание поглотили Семена.

– Нет, – протянул вечный задира, – а если это опять фашисты хотят захватить нас. Вот я тебе сейчас... – но Илья не договорил.

На погонах блеснули звезды – одна, вторая, третья, четвертая. Капитан, в пятнистой форме, если это фашист, то почему один? Диверсант? Но тогда зачем он идет к ним? Наверное, чтобы избавиться от свидетелей, а где остальные, где прикрытие? Будут после? Сколько мыслей рождает мозг за несколько секунд? Столько же было и в молодых головах.

Фашистов молодые люди не видели – когда война уже шла, Семен и Илья прибывали в бессознательности возраста, а фронт был далеко от их города. Но и форма на «небесном госте» была странная – серые, синие, белые, голубые кляксы, словно волны морей, накатыва-

лись друг на друга со всех сторон «посланника небес». По бокам, над коленями, пришили большие квадратные карманы, испортив пятнистые брюки – карманы были на груди, на поясе, на рукавах куртки. Фашист походил на механика, пришивший капитанские погоны и блистая звездами на воротнике. На фуражке, из такой же ткани, вместо герба сиял двуглавый орел из латуни. Незвестный улыбался, оголив свои белоснежные зубы.

– Ах ты, гад! – Замахнулся Илья кулаком, но менее чем через секунду уже лежал на земле. Он не успел понять, что произошло, лишь ощутив удар в грудь, захлебнулся воздухом, а после жесткая подстилка.

Семен хотел застучаться, но лишьмахнулся и, в мгновение ока, согнулся пополам. Его кисть, задрал к звездам, держал неизвестный. Шевельнешься и боль, будто медленно ломают руку в локте, зажав ее в тиски. Им было не справиться, но надо выжить, чтобы выявить шпиона.

– Еще дернитесь, я вам шеи сверну, как куропаткам! – Пояснил человек и, оттолкнув Семена вперед, отпустил его руку.

– Вооруженные силы России. – Прочитал Илья вслух надпись на шевроне с плечевого кармана диверсанта. В черном фоне шеврона развивался флаг, раскрашенный в три линии: белая, синяя и красная.

– Вы чего, как неродные? – Искренне удивился незнакомец. – На боевого офицера поднимать руку? Не хорошо! Что за нравы, в русских селениях?!

Человек надел темные широкие очки, чем вызвал негодование молодых людей, с осторожностью, встающих с пыльной дороги. Еще была не ночь, но солнце только бросило блики света в горизонт неба.

Пользуясь слепотой диверсанта «белой гвардии», Илья, в одном прыжке, подскочил к нему, но был остановлен широкой ладонью офицера, у лица Ильи.

– Ну, я же просил! – Неохотно сказал незнакомец. – Я не понимаю! Это не Термокарстовая база? Где мы? Интернет на нуле. С центром, связи нет, даже антенна на мобиле в ноль. Как-то все странно. Это, хотя бы Россия? – Сквозь золотые стекла очков, Илья чувствовал взгляд и обескураженность пятнистого капитана. Незнакомец вопросительно посмотрел на Семена.

– Колхоз Октябрьский. – Заикаясь, произнес Семен, боясь – не выдал ли он тайны. – РСФСР.

– Ты что, гонишь! – Усмехнулся капитан-механик. – СССР, уж полвека как нет.

Семен и Илья испуганно переглянулись, после, осмотрелись по сторонам, задержав взгляды на светящиеся окна хат, невдалеке.

– Вы что такое говорите? – Выдохнул Илья, убедившись, что их разговор никто не слышит. Его лицо побагровело от злости, а глаза налились кровью беспомощности – в руках диверсанта появился пистолет. – Можете стрелять, но утром, когда люди выйдут на поле, обнаружат трупы и начнутся вопросы. Вам это нужно? – Илья хотел потянуть время, а там, будь что будет.

Заиграла мелодия. Это была не музыка, а какой-то шум. Электронные ударные били по вискам, а «некто» царапал по струнам гитары, мерзко, вызывая дрожь по коже. Еще звучало пианино, на нем играл неуч, брякая куда попало по клавишам.

Молодые люди отпрянули в стороны, ожидая нападения захватчиков, но никого в округе видно не было.

Капитан достал из нагрудного кармана черный пластмассовый предмет, и его лицо осветилось ярким светом, в красном сиянии зарождающегося утра. Мужчина нажал на светящееся стекло, неизвестного предмета, большим пальцем, и после, убрав предмет назад, в карман, задумчиво произнес:

– Будильник. Н-н-да. – Светлые усы капитана дергались от разыгравшегося тика под левым глазом. – ...Это спецоперация. Я первый из людей, кто оправился через телепорт, как Юрий Гагарин в космос, но, по-моему, что-то пошло не так. – Он посмотрел на молодых людей, что ловили каждое его слово, они явно были не актерами, да и какие могут быть розыгрыши

в военных исследованиях. Надо было выкручиваться. – Нам бы поговорить. – Капитан снова улыбался, хотя улыбка была натянутой, а лицо стало напряженным. По лбу стекали маленькие капельки пота. – Я вам все объясню, но не здесь. Поверти ли мне? Я русский, и работаю на правительство России. Я не шпион. Я объясню вам все, и вы поймете, поверти мне. – Уже взмолился он, убрав свой пистолет в кобуру.

С минуту, Илья и Семен, шептались, после чего они приняли положительное решение и отправились в дорогу. Как оказалось, молодые люди, приехали на Целину из Тюмени, но своим привычкам не изменяли, а лишь трансформировали их – вместо обливания по утрам холодной водой, они ходили купаться на реку, незадолго до рассвета.

Молодые люди рассказали Виктору, о том, что видели в небе, перед тем, как появился капитан. Они уже совсем не опасались его, разглядев необычные документы офицера РФ, и пластиковый прибор, который он именовал «сотовым». Именно из-за «сотового», сложилось доверие к человеку из будущего. Капитан показывал им фото, проводя по экрану пальцем. Включал короткое кино, причиной которого стало двойное падение Семена в пыль дороги.

Шли чуть более километра, но Виктору показалось, что прошло не менее часа.

Деревянные избы выстроились в ряд, некоторые еще строились, а за домами тянулся длинный шлейф из строительных вагончиков. На радость Виктора, молодые люди жили в третьем доме от перекрестка, в том, что был покрашен не до конца.

Еще в дороге, капитан узнал, что Илья и Семен, родные братья, он пообещал им не рассказывать о будущем, и те, с неохотой, согласились. Им хотелось узнать побольше, но страх изменить лучшее, к непоправимо ужасному, не хотелось.

На удивление, холостяцкое жилище было чистым и убраным: две кровати, тумбочки, стол по центру комнаты, комод с трельяжем, радио в углу над входом, шкаф и портрет Ленина между окон. За перегородкой, кухня – печь, стол и стулья у окна, фляга для воды. Что нужно еще для мужчин?

Сомнений не было, Виктор Васильевич Бирюков находился в прошлом.

Братья дали ему сапоги, вместо берцев, серые штаны и белую рубаху, под которой спряталась наплечная кобура, с пистолетом. Униформу убрали, завернув ее в наволочку, лишь маленький диск, сияющий синим светом, с обратным отсчетом времени, Виктор вертел в руке, но не долго. Когда цифры показали 17:00, он убрал диск в карман брюк.

На столе, из погребка, появились закуски и трехлитровая бутылка самогона, за окошком послышались голоса девушек, они пели. Виктор подбежал к окну, по улице, с граблями и лопатами, шла самая прекрасная половина человечества, она была молодой и стройной, а одна из нее, помахала рукой, замороженному незнакомцу у окна.

– Ну что ты там, прирос? – Послышался голос Семена, братья смеялись. – Неужели в будущем нет баб, тогда я не хочу в такое будущее.

Задорно, Илья толкнул брата в плечо, который смутил капитана.

– Все там есть, – ответил гость, усаживаясь на табурет – но не всегда хорошее. – Он взял в руки граненый стакан, с мутной жидкостью, и посмотрел внутрь. – Не рано ли для такого?

– Один день в месяц отдыхаем, – попытался оправдаться Илья – да и гость к нам с неба упал. Слышал?

Виктор усмехнулся, но ничего не сказал, лишь выдохнув в сторону, он осушил стакан. Мутная жидкость обжигала все, к чему прикасалась, пока не дошла до желудка. Легкость окутала сознание.

– Сколько здесь градусов? – Спросил капитан, задыхаясь огненной водой. Он хватал все подряд, сначала огурец, затем кусок серого хлеба с моченой капустой, наконец «вареная картошка в мундирах».

– Слабоваты вы там, в будущем. – Не зло, посмеивался Илья над гостем. – Нет, дерешься ты конечно хорошо, но пить совсем не умеешь. Это же «первачок», в нем не меньше семидесяти градусов.

Пили не спеша, в основном чай. Хотели включить радио, но там говорили о неких преступлениях, которым, по просьбе комсомола, ужесточили статью до расстрела, за валютные махинации. После, сразу же выключили. Семен достал из шкафа, укутанную в простыню, гармонь и, развернув инструмент, заиграл старую песню «Ой мороз, мороз». Он говорил, что им здесь, так не хватает снега. «Вечное солнце» непривычно для их организма.

Время было после обеда. На веселье и смех от анекдотов, или на пение прекрасного хора, вошел круглолицый розовощекий мужчина. На вид, мужчине было не больше пятидесяти лет.

– Здравствуйтесь Алексей Петрович! – Поздоровались братья в один голос, в то время как Илья почтительно встал, Семен прятал бутылку за тумбочкой, от того, что виден дом был, для гостя, наполовину, вторую же он терял за громоздким шкафом, будто имевшим надобность перегородки от прихожей.

– Не прячь, – будто сквозь «стену» подглядел «круглолицый» – пробку то, на столе оставил. И вам здравствуйтесь! Я смотрю, – он присел на табурет, рядом с Виктором и пожал всем руки – к нам новые люди приехали. Почему не ко мне, а сразу на поселение, и кто распорядился? Отчего мне не известно?

Человек, с множеством вопросов, оказался председателем колхоза Октябрьский, Рябушкин Алексей Петрович. Братья, кое-как, объяснили ему, мол, Виктор знакомый еще с Тюмени, а сейчас военный человек, получив задание из Москвы, был проездом в «наших местах», вот и решил увидеться со старинными друзьями.

То, что Виктор военный, выдавала тельняшка.

– А где служили? – Спросил председатель, прищурившись.

– Морская пехота, в Новороссийске.

– Но вы же говорили, что из Москвы? – Не поверил круглолицый.

– Так, я сейчас на другой службе. – Усмехнулся капитан. – Извините, разглашению не подлежит. Понимаете? – Загадочно произнес он, чем смутил председателя, прожившего уже полвека и, явно, прошедшего войну. – А Новороссийск, остался в армейском прошлом.

Рябушкин, хоть и не любил когда выпивали, но как полагается, для начала пожурил молодежь, а после, взяв бутылку, собственноручно разлил по стаканам самогон.

– С таким человеком и я не прочь... – Вознес он стакан. Все выпили. – В каком хоть звании?

– Не имею права! – Гордо, войдя в роль сотрудника КГБ, ответил Виктор, но преклоняясь перед фронтowymi сединами, добавил – извините!

– А петь, можешь? – Не обращая внимания на дерзость, с улыбкой спросил председатель.

– Почему же не спеть? Спою!

Виктор взял в руки гармонь, и пальцы веером пробежались по клавишам, раздувая меха.

– Эта песня, – словно забыв об уговоре про «будущее», начал капитан – нашего хорошего ансамбля, Любэ¹.

Все смолкли, пока Виктор рвал душу нотами и голосом. Никто не смел, помешать ему. Братья обнялись, и задумчиво вслушивались в каждое слово. Если еще и закрадывались сомнения по поводу капитана, то сейчас сомнений не оставалось – наш, советский.

Алексей Петрович, не слышал, про такой ансамбль, как и саму песню, но она проникла в его память, отправив на двадцать лет назад, в отнятую молодость фашистами. Снова в строй, снова в атаку с беспощадной рукой бить врага, не имея жалости ни к себе, не к фашисту, ни к предателю. Песня настолько растворилась в председателе, что его глаза источали живость

¹ Любэ – Советская, российская рок- (поп-) группа, основанная композитором Игорем Мотвиенко 14-го января 1989 года.

воспоминания, увлажняя щеки. Это были не слезы слабости, герою отечества не ведома слабость – это слезы горести, за тех кто, может быть, уже ни когда не услышит таких слов.

Солнце шло к закату, растворяя день в себе.

– Значит, говоришь, ждет Севастополь, ждет Камчатка, ждет Кронштадт – вновь наполнил стаканы председатель, но уже по самый край. – Ну, давайте, – поднял он над головой стакан – чтоб не быть нам еще раз в этом тумане, и за тех, кто в нем остался на веки.

Все затихло. Казалось, что мир остановился.

– У вас поминки что ли? – Разбудили тишину вошедшие девушки, а за ними и парни. – Эй, заходи! – Крикнула самая озорная – председатель здесь!

Вечер стал налаживаться, скука ушла как сон. Музыка, танцы и девичий смех. Но, как гласит истина – все хорошее имеет свойство заканчиваться раньше, чем хотелось бы.

В кармане запиликало, когда веселье было в самом разгаре – это уже было в третий раз.

– Мне пора. – Подошел Виктор, к Илье. – Дай мой узелок, да я уже... прощаться не буду, вдруг опять, что-нибудь не то.

На небо выкатывались звезды, но солнце еще не совсем легло за горизонт, красной паутинкой раскинувшись по краю неба.

Переодеваться капитан не стал, так, в одежде «братьев из Тюмени» и с узелком в руке, отправился он на поле.

В ночи, на маленьком диске, сияли цифры, с отсчетом секунд назад. 00:00 появилось на табло, центр диска засиял ярким, синим светом. Виктор нажал на центр диска, в ожидание отправится домой. Там он все расскажет, а установка станет новым научным открытием, а капитан, «первопроходцем сквозь временные рамки».

Активация началась.

Темнота, свет, снова темнота, ночь. Мимо, по вымощенной камнем улице, проехала пролетка запряженная лошадьми. Люди суетливо бегали, кто-то кричал и просил о помощи, а кто-то отбивался от оборванцев-грабителей. За спиной раздался взрыв. Это, с именем Богини, крейсер выстрелил во тьму, просигналив обратный отсчет времени, последних дней Российской империи.

И снова, что-то пошло не так.

(Сентябрь, 2013 год).

УПЫРЬ

Его виски горели, мозг плавился. Невыносимая боль поселилась в груди, словно тот кол, что вбивали ему два века тому назад. Желудок свело – он бурчал, ругаясь и поторапливая быстрее принять пищу. Синяя, со слегка серым оттенком кожа шелушилась, источая зловонный запах мертвеца.

– Европа... цивилизация... – ругался упырь, идя по улицам Лондона, шатаясь, из стороны в сторону, от слабости. Кто-то вылил помой на улицу, из окна второго этажа, обрызгав сапоги путника. – Да вы гадите на улицы! – Крикнул он, продолжая бурчать себе под нос – вот вам и чума «немытая Европа». Приехали бы к нам, в Россию... мы бы вас в баньку, да веником, веником... вот, там бы всех вшей из вас повыгоняли, да научили бы в отхожие места ходить.

Ноги заплетались, путник споткнулся, чуть было, не упав лицом в лошадиный навоз.

Разве об этом он мечтал, принимая вечную жизнь от самой богини смерти семьсот лет назад? Разве ради этого он обучался колдовскому делу славян на протяжении тридцати лет, сызмальства?

– Чертова чума! – Не успокаивался упырь. Он облокотился на дверь одного из домов, за которой были слышны тихие разговоры и осторожный скрип половиц. – Из-за этого недуга никого не встретишь, никто и в дом не пустит.

Свернув на одну из улиц, что выходила к реке, он увидел огонь.

Пламенные языки вырывались из окон, ломая хлопками стекла.

– Чумных жгут. – Обрадовался он. – Вот тебе и кровь святая.

Взяв себя в руки, ровным шагом, упырь направился к месту пожара.

Уже приближаясь, он натянул на голову капюшон плаща так, чтобы лица его видно не было.

У дома стояла толпа зевак, «вот что их может выгнать со двора – подумал упырь – надо запомнить». Он втиснулся промеж людей, забывших о злом недуге, что поедал Европу.

– Что случилось? – спросил упырь, рядом стоящего молодого, с напудренным лицом и раскрашенными щеками, человека.

– Говорят, что дочь закашляла, – не оборачиваясь, начал рассказ, напудренный в светском платье, зевака – так Джон дом и запалил, чтоб чума дальше не пошла. Он внутри заперся, слышите?

В верхней комнате дома раздался женский крик, женщине было больно. Огонь охватил уже весь дом.

– Молчи, дура! – Послышался грубый, с хрипотцой, какая бывает у старых моряков, мужской голос. – Людей спасаем!

– Ну и спасай, а меня отпусти. – Отвечала женщина.

– Я тебе рот заткну. – Зазвучал вновь голос Джона, после чего раздался выстрел, и все стихло, лишь треск горящих досок и стекла.

– А вы сами, местный? – Спросил упырь у молодого человека.

– Да. – Ответил тот и посмотрел на собеседника. – А что у вас с лицом? – Отшатнулся он.

– Не извольте беспокоиться. – Вкрадчиво произнес живой мертвец, и поманил «напудренного зеваку» за собой. – Я только что из России. Видно на корабле укачало, да и кожа у нас, у русских, другая – мы же северный народ.

– О, да! – Согласился «напудренный зевака», будто имевший множество знакомств с людьми из той страны.

– Вы бы не могли меня проводить? – Взяв под руку молодого человека, упырь повел его прочь от величайшего, для этих мест, зрелища. – Я к вашим королевским особам, с визитом, от самого Царя Батюшки. Понимаете?

– Да, конечно! – Глаза «напудренного» засияли, когда в ладони покойника блеснула, в отражении луны, золотая монета. – Простите, – поклонился он, и, взяв монету, продолжил:

– Забыл представиться. Даймон Фрэнк Силверберг. – И снова пируэт.

– Свое имя, я вам сказать не могу, простите! – Повторил упырь поклон Даймонда, с большей гибкостью, выглядывая исподлобья, на то, как тело Даймонда вытянулось в струну. – Так вот, я прибыл сегодня на корабле с тайным визитом, но великих особ решил не беспокоить в столь поздний час, от чего мне захотелось прогуляться и осмотреть ваш город, да видимо заблудился. А здесь, словно сам принц стоит, – от этих слов нос «напудренного» Д. Ф. Силверберга задрался, чуть ли не к небу. – Я и решил, что вы знаете дорогу к дворцу.

– Конечно, извольте, наша семья частый гость на балах. – Молодой человек поправил парик, не замечая, что его спутник был уже за спиной Силверберга. – А здесь я так, по делам проезжал...

Даймон не успел договорить, как острая боль, с последующей истомой наслаждения, проникла через его шею. Глаза «напудренного» закрылись, тело обмякло, и парик слетел на землю, обнажив прекрасные, словно солнца луч, рыжие волосы.

Упырь вытер окровавленные губы рукавом, переступив через мертвое тело жертвы, пошагал по улице. Лицо упыря порозовело, кожа стала нежной, будто у молодой девушки.

Он прошел три квартала, к ожидаемой его карете.

– Теперь можно во дворец. – Сказал упырь, сев в карету.

Кровавое солнце раскинулось по горизонту, лаская рассветом, через окно, прибывшего упыря «тайным лицом» ко двору Английскому.

(Декабрь, 1998 год).

ПРИЗРАКИ

Отпечатки энергетической оболочки, с ответами на любые вопросы; галлюцинации рожденные в больном воображении, или души тех, кто не нашел путь в царствие Аида²? Призраки! Что люди знают о них? Где в этих ведах³ реальность, а где вымысел?

Есть люди зрячие к такому ненаучному происхождению. Эти люди называют себя экстрасенсами, некромантами, медиумами... В их среде очень много шарлатанов, наживающихся на душевных тревогах человека, на терзаниях и страданиях его, принося с собой облегчение, уготовленное суицидальными желаньями.

Иногда призраки, или приведения, подшучивают над живыми, дабы те не вторгались в их мир, и ни стремились сократить отведенное им время Великой Богиней Макошь⁴. Выходя из тьмы, «неживые» меняют свой облик, а иногда являются шепотом и скрипом, даря безумие

² Аид – Бог в древней греческой мифологии. Царь мира мертвых – тартар.

³ Веды – знания (старославянское).

⁴ Богиня Макошь – Богиня плодородия, брака, родов, домашнего очага, прядения, удачи, судьбы. Боги, в славянском пантеоне, боялись ее – она пряла клубок судьбы, с узелками, не только людей, но и Богов.

начала человеческому сознанию. Упырь⁵, вурдалак⁶, или волколак⁷, не могут жить среди них, но духи, издеваясь, принимают такие образы, ибо их сущность анчутка⁸, и каждый мошенник, встав на путь мертвеца, будет наказан.

Сказ сей случился в одном селении, под Екатеринбургом.

– Спасибо тебе Яромир. – Прокряхтела старушка, в дверях, протягивая последние деньги молодому парню, облаченному в черную атласную рясу.

– Иди с миром, – положив ладонь ей на голову, проговорил парень, словно декан студенту. – И не забудь о том, что я тебе говорил.

Старушка, переложив маленький пакет, упакованный в газету перемотанную скотчем, в левую руку, вознесла пальцы над головой парня, чтобы окрестить его, но Яромир остановил старушку, поцеловав ей руку. Когда пожилая женщина исчезла за дверью сеней, Яромир тщательно вытер губы широким рукавом рясы – ему был противен этот поцелуй, и он трижды почистил зубы.

Деревянный дом Яромира (или по паспорту Николаева Антона Валерьевича), находился на отшибе деревни. Купил он его четыре месяца назад, практически за бесценок, у местного алкоголика, а сам Антон, вырос в Кирове, откуда бежал за долги. После того, как он перебрался в этот дом, Яромир устроил в нем логово экстрасенса. Он запустил о себе рекламу в интерактивную паутину, и во всяческих дешевых газетах области. За месяц, предприимчивый молодой человек, заработал нужную сумму на долги, с остатком, и теперь ему было бояться нечего...

Вернувшись из уборной, Антон обнаружил в доме гостя. Тот сидел обнаженный, сгорбившись, почесывал свой круглый, словно раздутый, живот. Мужчина был небрит, грязные ноги он закинул на стол, ковыряя своим гнилым ногтем хрустальный шар.

– Это еще что? – Возмутился экстрасенс от наглости гостя. Посетитель толкнул шар пяткой, и тот чуть было не упал на пол, но Антон подхватил его у самой точки небытия. Он отворил дверь в сени. – Вон отсюда! – Скомандовал экстрасенс, но незнакомец лишь рассмеялся:

– Я шишига⁹! Я сам тебя выгоню.

Яромир поставил шар на комод у входа и, облокотившись на стол, проговорил сквозь зубы, хоть и неизвестный заинтересовал его:

– Шишиги обитают в водоемах, а здесь нет ничего подобного, да и приходят они к пьянчужкам. Я же не пью. Вы сами уйдете, или мне применить силу?

Широкоплечий, высокого роста молодой мужчина мог с легкостью выпроводить шишигу, но гостю, похоже, было все равно, он только смеялся, словно слова Антона щекают ему потрескавшиеся пятки.

– Не сможешь, – говорил шишига, показывая на дверь крючковатым пальцем – он не даст!

Двери, за спиной Антона, с силой захлопнулись, и Яромир резко обернулся так, что голова пошла кругом. На пороге стоял великан. Он плечами уперся в потолок и смотрел, наклонившись, сверху на экстрасенса единственным своим глазом. Хозяин попятился назад, челюсть его отвисла от удивления, но когда шишига, помахав ему тоненькой ручкой, растворился в воздухе словно пар, ноги Антона подкосились и он упал, не дойдя до кровати. Великан

⁵ Упырь – мертвый, или живой колдун сосущий людскую кровь, тем самым убивал человека, в европе его называли вампиром (старославянское).

⁶ Вурдалак – оживший мертвец, оборотень. Мертво-кожий (старославянское).

⁷ Волколак (волкодлак) – оборотень, в охоте принимающий образ волка. Производное от слов «волк» и «длак» (шкура) (старославянское).

⁸ Анчутка – злой дух, черт. Считалось, что он откликается на свое имя и если его произнести вслух, то он появляется (старославянское).

⁹ Шишига – маленькое горбатое существо, приносящее беду пьяницам (старославянское).

прошел к стулу и попытался сесть на него, но тот, ни выдержав такого веса, сложился как меха гармошки.

– Меня зовут, Борот, – представился великан, поднимаясь на ноги – я лихо¹⁰. – Антону и без того было страшно. Вскочив будто ошпаренный, он бросился к двери, но та была заперта снаружи. Как ни бил он ее плечом, дверь не поддавалась. – Некуда бежать, и за окном лишь тьма вернет тебя назад.

– Зачем я... – начал заикаться Яромир. – Зачем вы... что не так... почему?

Циклоп¹¹, взял его громадной своей рукой, и усадил на цветной узорчатый вязаный плед, на кровати.

– Да тебя так не поймешь, – почесывая подбородок, гулко сказал великан. – Может сестрички поймут, о чем глаголешь¹². Эй, сестрички! – Крутятся на месте, лихо зазывал неведомо кого. – Трясовицы¹³ идут, – вновь он обратился лихо к Антону. – Не бойсь. – Сказал он и вышел в окно, не отворяя и не разбив его.

Там, за прозрачной льдинкой стекла, шел снег. Крупными хлопьями, нещадно, осыпали землю снежинки, собираясь в сугробы легким ветерком, у зажженного фонаря. Свет прожектора очертил круг у столба, затаив в себе тишь и спокойствие. Как же Антону хотелось быть этим фонарным столбом, или спрятаться под ним, но улица его утрашала уже больше чем дом.

Открыв шкаф, экстрасенс что-то искал, выкидывая книги одну за другой, а тем временем из стен и пола вылезали Трясовица, двенадцать обнаженных женщин, с прекрасным молодым телом и обезображенным лицом, всяческими болезнями, шрамами и ожогами на нем.

– Кто нас звал? – Послышался за спиной женский голос.

Антон обернулся, и пред ним предстали все двенадцать сестер Лихо. От изнеможения и ужаса, экстрасенс упал на колени, закрыв лицо руками.

– Не плачь, – нежно сказала другая сестра, глядя рукой по голове, длинные волосы Антона – мы не за тобой, нам послышался голос брата нашего. Может быть, ты знаешь его? Боротом он названный!

– Он ушел, – не открывая лица, дабы не видеть ужасных лиц зловещих дев, всхлипывая, произнес Антон. – Кто там еще – Полкан¹⁴, Сирин¹⁵ или Яга¹⁶?

– Нет, – зазвучал знакомый голос – это я – Нав¹⁷.

Антон поднял голову и изумился. Трясовиц более не было, но на кровати сидела старушка в черном одеянии, облокотившись на деревянную клюку. Это была она – та, что приходила вечером. Она говорила о своих проблемах и болезнях, что муж умерший зовет ее во снах, а Яромир дал ей пастушьей сумки и мяты¹⁸, сказав, что только это сможет ей помочь отогнать мир Нави¹⁹.

¹⁰ Лихо одноглазое – дух зла, несчастья горя (старославянское).

¹¹ Циклоп – одноглазый великан из европейских мифологий.

¹² Глаголить – говорить.

¹³ Трясовицы – двенадцать духов-женщин насылающих на человека болезни: Тресея, Отпея, Гладея, Аввариуша, Храпуша, Пухлея, Желтея, Авея, Немея, Глухея, Каркуша. По их именам понятны и болезни насылающие ими (старославянское).

¹⁴ Полкан – получеловек-полуконь с головой собаки (старославянское).

¹⁵ Сирин – райская птица с головой девушки, поющая песни печали (старославянское).

¹⁶ Баба-Яга – владычица леса, зверей и птиц (старославянское).

¹⁷ Навы (Навыи) – духи смерти. Ими становятся те, кто умер не своей смертью, от насилия или суицида, но не в битве (старославянское).

¹⁸ Пастушья сумка, мята – травы, завариваются как чай, обладающие успокоительным действием.

¹⁹ Явь, Навь и Правь – три мира. Явь – мир живых. Навь – мир мертвых и Богов. Правь – мир, или закон, мироздания (старославянское).

– Ты обманул меня, – продолжала старушка – ты пошел против Прави. Быть может вы думаете, что эффект плацебо²⁰ ничего не значит, но дома, после ваших травок, я уснула крепким сном и в страшных судорогах...

– Я не понимаю. – Вытирая слезы, пробормотал экстрасенс.

– Видно аллергия на пастушью сумку убила меня. Ты убил меня! – Больно ткнул пальцем призрак, в лоб медиума.

– Но вы же только что ушли, а живете в Екатеринбурге. – Щеки горели, лихорадочные чувства одолевали тело. Он пытался еще найти разумное объяснение, хоть чему-то из происходящего.

Старушка рассмеялась, и смех был похож на тот, что лился из шишиги.

– Там нет времени... – продолжала она, но Яромир уже не слышал ее, и ничего не понимал. Что-то охватило его душу, и он кинулся к старушке с неистовой злобой, схватив за горло покойницу, Антон душил ее. Старушка кряхтела, выпуская слюну пеной, наконец, губы посинели, и вывалился изо рта ее опухший язык.

В сенях что-то грохнуло, послышались шаги и голоса. Дверь со скрипом отворилась. В дом вошли полицейские во главе с капитаном. Видя действие, нарушающее закон, капитан решил его предотвратить. Лишь шагнув к душегубу, полицейский задел комод, и хрустальный шар, упав на пол, разлетелся на тысячи мелких кусочков. Тело Антона накрыло покойницу, он зарыдал, но не от содеянного, а от разрушенного его инструмента, капитаном.

– Как же я буду работать теперь? – Повторял он. – Вы знаете, какой дорогой нынче хрусталь?

Троица в форме МВД, недоумевающее смотрели на то, как безумие брало верх, над молодым, но уже ослабшим сознанием. Они приехали на подозрение о мошенничестве, а застали убийство.

Когда Николаева Антона Валерьевича выводили во двор, он увидел, что сумерки лишь зачинали в просторах, как давеча, когда духи к нему только начинали приходиться. Но, все же, экстрасенс был рад, что более не будет его в этом доме.

Так Агафуры²¹ пополнились еще одним пациентом.

*Посвящается Александру Овчинникову
(Январь, 1998 и 2013 годы).*

²⁰ Эффект плацебо – самовнушение.

²¹ Агафуровские дачи – так в простонародье называют псих-диспансер г. Екатеринбург (8 км. Сибирский тракт).

ЖИЗНИ ВОПРЕКИ

**Ты мать моя, родная Русь,
Перед тобой лишь, встану на колени.
Я только за тебя молюсь,
Чтобы ушли невзгоды все, и беды!**
(А. П. Колясников, Май 1998 год).

Леонид открыл глаза.

Голова шла кругом, уши заложило. Горечь подобралась к горлу. Осколки мокрой земли, поднятые взрывами гранат, падали на лицо.

Небо затянуло тучами. Дождь вымочил одежду, но лишь треск под каской обращал на себя внимание.

Слух снова напомнил о себе. Казалось, что вокруг нет ничего, кроме грохота, скрежета траков и звонких хлопков винтовок.

Вблизи, прямо над лицом, пролетели самолеты, с красными звездами на крыльях. Земля задрожала, с оглушительным криком в себя – это бомбы достигли цели.

– С тобой все в порядке? – Хриплым голосом поинтересовался мужичек в фуфайке. Он был похож на Женьку, но постаревшего и уже с серебром в волосах.

– Евгеша, ты?

Мужичек с темным израненным лицом, улыбнулся.

– Ну, значит пришел в себя. Давай, подымайся. – Протянул руку состарившийся друг. – Надо добить гада, а потом разговоры.

– Ты так постарел, – не унимался Леонид, поднимаясь на ноги.

– А ты что, помолодел? Шестой десяток, а ведешь себя, как мальчишка.

Старый друг сунул Леониду винтовку и ринулся вперед с криком:

– За родину, за Сталина!

Выстрел, другой и люди в серых одеждах падали на землю.

Мимо бежало с десятков мужчин разных возрастов. С гулким «ура», они пронеслись мимо, стремясь за Женкой, к разрушенному взрывами и снарядами остову высотного дома.

– Иваныч, – крикнул один из них на ходу – ты чего? Бей фрица! – И толкнул плечом Леонида. – Ура-а... – голос молодого парня оборвала пуля, выпущенная из окна первого этажа дома.

Недолго думая, Леня вскинул винтовку, нажал на спусковой крючок и серая пилотка, неизвестного стрелка, слетела с окровавленной головы.

Леонид бежал, бежал туда, где у входа уничтоженного подъезда стоял, оглядываясь по сторонам, «старый» друг. Там уже собралось еще четверо в выцветших телогрейках, из зеленого к серо-желтому цвету. Мужчины зашли внутрь остова дома. Выстрел, другой, очередь... и вот Евгеша машет Лене рукой.

Леонид спешил, но грязь, арматура и переломанный кирпич, словно цеплялись за ноги. Почти у самого входа в остов, проволока обняла лодыжку и повалила Леньку на горячую от смерти землю. Что-то пролетела над головой, свистом заложив уши, шлепнулось у столба на углу, некогда дома, и заворчала взрывом.

– Стихло! – Произнес Евгений, когда на пороге появился Леня. – Скоро начнут.

Леонид стоял недоумевая. Молодой, лет двадцати, парень в лейтенантских погонах забился в углу и что-то бубнил, он трясся от страха. Двое солдат, возрастом как Евгеша, собирали пули в магазины для оцарапанного черного незнакомого оружия. Они забирали его у трупов, в серых шинелях и с металлическими птицами на груди, коих покойников под ногами были десятки. Один парень, совсем молодой, сидел под окном, с длинной винтовкой, смотрел в какую-то трубку, прицепленную поверх своего оружия. Он был сосредоточен, будто наблюдал за тем, что происходит за окном. Женька же, обыскивал трупы ловко, не тревожа их покой, он доставал из прикрепленных боковых карманов тонкие магазины.

Но недоумение у Леонида появилось от увиденных собственных рук – они покрылись морщинами и ссохлись, от этого волнами задрожал воздух, закружило голову, и Леня не заметил, как выронил свою винтовку.

– Евгеша, что это? – Чуть не плача, с хрипом в голосе, произнес Леонид. Он почувствовал, как голос его состарился. – Мы же не могли, так быстро постареть.

Все обернулись на Леню – «старый Иваныч» плакал, и слезы прорывались разводами по морщинистым, измазанным сажей и грязью, щекам. Даже парень с длинной винтовкой оторвался от черной трубки.

– Только не сегодня, – обняв ноги Леньки, затараторил лейтенант. – Только не сегодня, пожалуйста!

– Что не сегодня? – Леонид Иванович не понимал.

Двое стариков, откинув оружие, подскочили к лейтенанту и, оторвав его от сапог Леньки, оттащили офицера назад, в угол.

– Сегодня, значит сегодня! – Сказал один из них.

– Умри достойно! – Добавил другой, и пощечиной привел в сознание лейтенанта. – Мы должны занять высоту!

Не обращая внимания на вновь возобновившиеся взрывы и выстрелы за окном «комнаты», Женя, выпрямившись, подошел к другу.

– Как называется наша страна? – Спросил он Леню, глядя ему прямо в глаза.

– Российская Империя?! – Удивленно, от самого вопроса Евгеша, произнес Иваныч.

– Сейчас! – Объявил Евгений остальным. – Давайте примем бой достойно!

Он отбежал к другому окну, взяв с собой странное оружие.

– Ленька, – обратился Евгеша к другу – ты займи позицию рядом с Рустемом. – Азиат был здесь один – мальчишка с длинной винтовкой, и Леня послушно присоединился к нему, у окна. – Бей таких же, как эти мертвяки. – «Как эти» – это лежащие здесь с железными орлами на груди, понял Леонид. – Лейтенант, на дверь! Остальные ко мне!

Все подчинились приказу.

Только теперь, когда Евгеша скинул телогрейку, Леонид увидел на плечах друга, новенькие, сверкающие погоны капитана.

Из комнаты раздались выстрелы – это три старика, в купе со «старым Женькой», били очередь из странного оружия. От входа летели гранаты, и за редкостью раздавались выстрелы из пистолета. Мальчик-азиат стрелял из своей длинной винтовки, глядя в трубку со стеклами, словно в пристроенную к винтовке маленькую подзорную трубу.

Через прицел винтовки, Леонид видел приближающихся людей в серых шинелях, совсем молодых, но приказ был стрелять, а Женька дурного советовать не будет.

Люди, с орлами на груди, стреляли, кидали гранаты... и падали на землю замертво.

Через полчаса, или меньше, у подъезда упала граната, и Ленька увидел, как тело лейтенанта откинуло в сторону. Леонид обернулся. У второго окна уже не было слышно выстрелов – двое стариков лежали на трупах врагов, а Евгеша, улыбаясь, смотрел на Леньку. Что-то хлопнуло, и висок Женьки выпустил фонтан крови в «комнату». Пуля убила Евгешу, влетев ласточкой в окно.

За спиной разорвалась граната, ноги и шею обожгло кровью, рот наполнило кровью, и Леонид невольно упал на мертвое тело Рустэма. Он умирал, но перед смертью разобрал немецкую речь. Люди говорили о русских свиньях, и что-то о коммунистах.

Тошнило. Бинты стягивали голову, но мягкая постель, после дождя и холода смерти, расслабляла.

Леонид открыл глаза.

Перед ним сидел его друг, все такой же молодой, с сияющей улыбкой. Женькина грудь была забинтована.

– Очнулся? – Тихо спросил Евгеша. – Слава Богу!

– Я видел, как мы умрем. – Вцепившись в друга, зашептал Ленька. Он посмотрел на свои руки, они вновь были молоды и полны сил. Леонид с облегчением вздохнул. – Мы будим старыми, и война уже будет другой...

– То есть, мы состаримся. – Перебил Леньку, Евгеша. Тот кивнул. – Вот и хорошо, а теперь спи – ты в госпитале. Врач сказал тебе нельзя разговаривать после контузии, а потом поправишься, и все мне расскажешь. Нам еще за Империю повоевать придется.

(Октябрь, 1998 год).

ФАНАТ

**Любовь – это лишь слово, которое сказать
может каждый, но понять его могут не все.**
(А. П. Колясников, 26. 01. 1999 год).

Зимние каникулы, что может быть лучше для школьника, но не когда ты болеешь. Новогодние праздники Николай провел в постели, ему ничего не хотелось, лень подавляла желания подняться. Сквозняки, в подсознание его, возбуждали агрессию и нервозность. Мама крутилась вокруг Коли, радость праздника, заходила в каждый дом, в каждый уголок нашей планеты кроме квартиры в доме номер четыре по улице Советской.

Светлана Васильевна воспитывала одна Николая – муж сбежал, испугавшись трудностей и ответственности, лишь Коля появился на свет, дав ему только фамилию и отчество. Валентин (отец Николая) появился вновь через год, когда подавал заявление на развод. Маме приходилось работать на заводе и мыть подъезды, а когда Коля загрипповал, она при каждой воз-

можности приходила домой пораньше, даже во время обеда, чтобы быть с сыном как можно дольше. От работы ей отказываться нельзя, даже на время, иначе после не на что было бы жить.

Но у каждой болезни есть свой инкубационный период, и хворь начинает отступать, если правильно назначить лечение. Так произошло и с Николаем, под Рождество. Он чаще стал прогуливаться по квартире, готовить себе завтраки, встречать маму, приготовив обед, или ужин. Все же большее время он проводил за компьютером. Сначала он переписывался с друзьями в соцсетях, после смотрел сериал о жизни молодежи.

Многосерийная эпопея ему уже надоела, хотелось экшена, но актриса, игравшая в нем главную роль, не давала оставить затею досмотреть сериал до конца, а после пересматривать каждую серию... еще и еще. Ее милая улыбка сводила Николая с ума. Он вглядывался в каждое движение актрисы, слушал ее нежный, как шелк, голос. Во снах Коля обнимал ее, проводя ладонью по волнистым темным волосам. Рука скользила ниже по бархатистой, совсем молодой коже, спускаясь по спине.

В интернете Николай нашел ее фото в стиле ню, опубликованные в одном из мужских журналов. О, как он был не прав в своих мечтах – ее тело в миллионы раз прекраснее. И Коля понимал, он полюбил ее – Ольгу Венскую. Миниатюрная девушка манила к себе своими голубыми глазами. Блеск кошачьих глаз очаровывал его, гипнотической магией любви, и неважно, что ему пока семнадцать, а ей уже двадцать восемь, ведь рядом с ним Ольга выглядит ровесницей Николая.

Кроме фото и видеороликов, сериалов и фильма, информации об актрисе было мало: родилась; раньше жила; переехала; мечтала быть работником сцены и стала. «Значит, она свободна, – думал Коля, вглядываясь в скаченное фото, увеличивая масштаб пальцами рук. Ну вот, следа нет на пальце, а значит и обручальное кольцо не одевала». Он тешил себя надеждой о встрече с Ольгой, когда-нибудь они будут вместе. Это уже решено!

«Что это? – Николай видит интервью Венской в газете. – Она родила? Она вышла замуж? Но как она могла? А как же я?» Перехватило дыхание. Яростным горячим ручьем потекли слезы. Во рту пересохло. Отступающая болезнь нахлынула с большей силой.

Коля лег в постель, тело ослабло и совсем не подчинялось ему. Он даже не слышал, как на обед пришла мама. Светлана Васильевна трогала губами лоб сына, поставила градусник ему подмышку, проверила – «нет, не ошиблась, температуры нет, но тогда что»? Сын был бледен, он не видел и не слышал ее, он не разговаривал со своей любимой мамочкой. На всякий случай, Светлана Васильевна поставила стакан с водой, и положила таблетки, на маленький комод, рядом с кроватью Николая. Приготовив, по-быстрому, омлет и поджарив тонкие ломтики бекона, оставила еду Коле, рядом с лекарством.

Когда Светлана Васильевна вернулась с работы, ее маленький ребенок лежал все так же, как и прежде, словно за все это время он ни разу не пошевелился. «Как быстро летят годы, мой Коленька влюбился, но страшно – она бросила его...». Надо было что-то делать, но что? Светлана Васильевна, закрывшись на кухне, звонила своей подруге. Они долго обсуждали происходящее с Николаем, говоря о первой любви, и как все изменились, а в их времена было все иначе.

«Так и сделаем! Позовем на выходные Ирину с дочкой. Катенька красивая и веселая, уж точно сын отвлечется. Глядишь, и с Ириной породнимся».

Утром, лишь мама скрылась за дверью, Николай прошел в ванную комнату. Струи теплой воды ударялись по акриловому дну, они наполняли белое судно чистоты, дыханием влаги. Решение было бесповоротным, не сомкнув глаз, всю ночь Николай обдумывал его. Он достал упаковку лезвий для бритвенного станка (мама подарила его Коле на «день защитника отечества», но воспользоваться он не успел – на гладком лице выступил, лишь легкий пушок, словно оперение у цыпленка), вынув из тонкой коробочки стальное полотно для мужчин, Коля полез

в ванну. Снимать плавки, он не захотел, Николай представить себе не мог, как его могут увидеть без одежды – это же стыд.

Страшно, но надо доказать ей, что у такой сильной девушки может быть только сильный мужчина, такой, как Коля. По запястью, будто наждачная бумага, оцарапала лезвие. Раскроив кожу, острый металл разорвал сухожилия, кисть стала не послушной, и упала на дно ванны.

Николай ни чего не чувствовал, а думал что будет больно, но все иначе, лишь хотелось спать. Перед лицом был фантом Ольги, сошедший с одной из фотографий – она была в синем пальто, подложив руки под свой подбородок, задумчиво смотрела на Николая. Ее глаза были необыкновенно красивы, сияя ярким голубым цветом, два чистейших сапфира с маленькой черной точкой. «Мой малыш, я люблю тебя» – думал он. Глаза Николая сами закрылись. Теплая вода ласкала кожу убаюкивая тело, а в голове бегали мысли: «зачем, ведь все назовут меня трусом и слабаком, а она? Она ни когда не узнает его, и что потом?» – Потом он умрет, и все. Для чего тогда это все?

«Да и не должна она мне ничего, она же не обещалась перед ним». После Коля подумал о маме – как же она останется без сына, даже такого труса, как он? Нет, так нельзя, он должен жить ради любимой мамочки.

Силы совсем отпустили его. Он напрягся, чуть-чуть, еще чуть-чуть и веки открылись. Сколько Николай пролежал в ванной, он не знал. Снова отключили свет, но маленькое окошко под потолком, ведущее на кухни, кое-как озаряло комнату.

Николай поднялся, скользя пятками по дну ванны. В дверь кто-то стучал – это была мама, она плакала и ломала деревянную преграду. Встав на пол, Коля почувствовал что-то липкое под ногами – это была вода, какая-то мутная, какая-то темная. Ноги будто вязли в битуме, но он дошел до дверей ванной комнаты. Раз, еще раз... пальцы скользили сквозь щеколду. Коля оглянулся и увидел свое тело, лежащее в ванной, над ним, упав на колени, склонилась мама, бьющаяся в истерике.

Коля умер.

Сбоку от Николая послышалось причмокивание – это серая, желеобразная масса, приближалась медленно к нему по коридору. По всей площади желеобразной массы, снизу-вверх, сверкали огненные молнии, они вырывались пламенной лавой поверх ее и снова опускались назад. Чем ближе «масса» приближалась, тем явнее чмокание превращалась в голоса. Всплесками лавы, были люди, вырывающиеся из нее, они молили о помощи, об избавлении от боли ожогов.

Юноша попятился назад, лишь поясница коснулась туалетного столика, Николай упал на колени, закрыв лицо руками – он рыдал. Коля чувствовал жар, но теперь это было не важно, как и та девушка, которую он воцарил. Ему хотелось увидеть маму, он повернул голову и дикий крик, загнанного в капкан зверя, вырвался из Николая. Мамы не было рядом, а желеобразная масса поглощала его, испепеляя медленно обездвиженное тело Николая, становясь одной целой волной боли.

Коля не думал ранее о том, что совершает, что маме его потом останется жить два дня, что горе сильнее жизни – оно разрывает сердце в болезненных мучениях, убивая непониманием и любовью. Теперь он сам, вырываясь из огненной массы, будит видеть лицо своей мамы и вечно просить, не о прекращении боли телесной, а о прощении души, тлея в лаве мучения смерти суицида.

(Январь, 2013 год).

ВЫХОДЯЩИЙ ИЗ МОРЯ ЗВЕРЬ

Солнце, проталиной красного золота, пустила рассвет над лесной дорогой. Пушистый мороз, охладевший поверх водой, собрался в сугробы, отступив от тропы. Пыхтя теплом, из ноздрей, уставшая лошадь тянула сани, стремясь к очагу. Извозчик, вожжами хлещет лошадку, бурчит себе в бороду, или песнь напевает.

– Ванька, – Алексей Дмитриевич, развалился на заднем сиденье пролетки, будто не замечая морозности утра. Из-под распахнутой, в верхних пуговицах, шубы, выглядывал продольный погон мундира коллежского асессора²². – Ты бы погромче что ли, а то, как волк на луну. Одна тоска, да и только.

– А вы, – обернулся извозчик, но ворот полушубка закрывал его лицо снизу, а заячья шапка сверху, лишь борода легла на плечо – ваше высокоблагородие, в гости к нам, иль по службе?

Алексей Дмитриевич ухмыльнулся и посмотрел на бескрайние поля, что раскинулись с правой стороны от дороги.

– По службе, братец, по службе. – Задумчиво произнес Алексей Дмитриевич.

Ванька передернулся, от неприязни, и подскочил на козлах, будто напал на кочку колесом.

– Так-с, – заметив метаморфозу, сотворившуюся с извозчиком, асессор приступил к работе – ведаешь что, по делу?

– По, какому-такому, делу? – Вполголоса заговорил Иван, как плохой лицедей, наигранно. – Не знаю я никакого делу.

– Слухай, – появились железные нотки в голосе чина – ты дурака не валяй, говори что знаешь! Шесть крепостничих за полгода. Но до них мне и дела нет, из-за них, я кабинета не покинул бы, но тут, за день, княгиню с ее управляющим в мясо разорвали, как тех шести девок.

– Бесовщина барин здесь. – Еще тише стал говорить Ванька.

– Что ты там бормочешь? – Прикрикнул асессор.

– Зверь, говорю, дитя Сатанинское на землю пришло. Как в писание сказано. – И стал Ванька цитировать тринадцатую главу из книги «Откровение святого Иоанна Богослова», но Алексей Дмитриевич остановил его, когда извозчик перешел к раненой голове, рассказанной в писание. – Жен себе взял, а потом и за княжество принялся. – Опомившись от Евангелии, высказался Иван.

– Жен? Крепостных? Сатана? – Рассмеялся во весь голос асессор.

– Так нет же уже крепостных, восьмой год как, ваше высокоблагородие. – Как бы поправил асессора, Иван.

Впереди дороги показались пышные усадьбы.

– Крестьяне! – с неприязнью произнес Алексей Дмитриевич – один черт. А ты когда, это, считать научился? Давно ль в вольных-то?

– Почитай третий десяток, с четырнадцати лет. Мне тогда, барин мой, муж убиенной княгини Ореховой, дал вольную и удел свой, с лошадкой, а эта Настенька, внучка той первой кормилицы. Они приплод приносят, после гулки, а я кобылку оставляю, а остальное на рынок свожу. Лошадь вырастишь, старую продашь. Так и живу и книжки разные читаю.

– Хитрец ты Ванька. – Засиял, в доброй улыбке, асессор. – За что же тебя князь так возлюбил.

– Я силен был, в те времена, поэтому меня Владимир Михайлович часто брал с собой на охоту. – Иван прокашлялся, побряхтел и продолжал. – Вот я его, рогатиной от медведя, и выручил. Это через пятнадцать лет, видно затаив обиду, медведь сломал князю хребтину. Эх, – вздохнул тяжело извозчик – жаль, не было меня рядом. Знаете, какой у нас барин был? Не чета их прежнему, молодому. – Будто опомившись, Иван умолк, вскоре и лошадь прекратила свою рысь. – Ну вот, мы и приехали.

Сани остановились у открытых ворот усадьбы. Извозчик, получив заработанное, пригласил асессора к себе, в скромную хибару, где и жена, и ребятишки будут за всегда рады ему, коли

²² Коллежский асессор – гражданский чин, равен армейскому званию майор, или чину на флоте капитан третьего ранга.

что понадобится, то пособит Алексею Дмитриевичу. С тем и уехал. Иван жил сразу за помещением, и дом его был виден от ворот.

Со всего было ясно, что Алексея Дмитриевича здесь ждали. Двери открыл сам хозяин – худощавый, с болезненным лицом и затуманенными глазами. Шубу с шапкой и саквояжем, сразу унесли наверх, ассессор лишь успел выхватить сою фуражку.

Ассессор с молодым хозяином прошли в большой зал, и им принесли напитки.

– Выпьете? – Спросил князь Михаил. Они расположились в креслах, и ассессор сразу заметил, что Орехов младший, явно нервничал – он вздрагивал от каждого шороха, тянувшийся из кухни приятный запах яств, его нисколько не трогал. Князь кого-то ждал.

– Да, пожалуй! От бренди бы я не отказался. – Ассессор пил не спеша, а «осиротевший князь», так и не притронулся к своему бокалу. Орехов сильно потел, все время, вытирая пот платочком с собственным вензелем, вышитым на углу белой ткани, хотя в комнате было, не сказать, чтобы жарко. – Мне не хотелось вас беспокоить во время панихиды, все эти хлопоты... я вас понимаю, и очень сочувствую, но сейчас соберитесь, и расскажите мне, как было дело?

Молодой князь побледнел, пуще прежнего, казалось еще чуть-чуть, и он потеряет сознание, но Михаил поднялся из кресла и прошел к пианино, стоявшему в углу зала. К неожиданности Алексея, молодой человек начал играть И. С. Баха: «Toccata and Fugue». Князь говорил, одновременно музицируя, ни разу не сбившись с ритма:

– Это было ночью. Я проснулся от шума в коридоре, от того, что услышал истошный крик матушки – наши спальни рядом. Накинув лишь тапочки на босу ногу, я выбежал из комнаты и обнаружил, что тело Афанасия, нашего управляющего, лежит в дверях. Его спина была разодрана, а горло все в ранах, как от когтей дикой кошки. Он истекал кровью, и мне стало дурно. Я с детства боюсь крови.

Все же я любил маменьку. Агнесса Павловна был единственным родным человеком для меня. Я должен был узнать, что вызвало этот крик. Переступив через Афанасия, я вошел в комнату. На столе горела лампа, а за кроватью, где лежала маменька, окно было разбито, она была также разодрана, как и наш управляющий.

После, я позвал всех слуг, и мы прочесали усадьбу, но тщетно, было уже поздно – зверь ушел. – Пальцы князя ударили по клавишам, завершая рассказ, последним аккордом мелодии.

Алексею Дмитриевичу стало не по себе, он встал и прошел к большому окну, ведущему в сад. Снег, большими хлопьями, падал на голые ветви деревьев. Бокал опустел.

Женский голос позвал к завтраку.

За столом сидели, молча, пока на пороге не появился некий барон, живущий по соседству, Питер Мор. Лицо князя посветлело и даже засияло от радости, при виде высокого, приятной наружности, молодого человека. Михаил извинился, и покинул ассессора «ненадолго». «О боже, неужели он мужеложец. – Думал, с отвращением Алексей Дмитриевич. – Ну да! У него же лицо влюбленного – щеки покраснелись, глаза засияли. То-то он все нервничал. Видно ждал, своего любовника. Куда катится Россия, если великие сыны ее таковы?»

Через несколько минут, молодые люди вернулись в столовую, они присели за стол, и уплели за обе щеки все, что видели, словно голодовали долгое время. От былой тоски, у князя не осталось и следа.

– А вы сами из Москвы? – Поинтересовался барон.

– Нет, я родился и вырос в Петербурге, а в Москву приехал по назначению.

– О, из самой столицы. – Восхитился князь. – И Императора видели?

– Видел и Александра Николаевича, видел и батюшку его, светлая ему память, Николай Павловича.

Разговор ни к чему не вел, Алексею Дмитриевичу хотелось вернуться в Москву до утра, да и само общество, в котором он оказался, было неприятно ему. Коллежский асессор, откладывая и попросил прислугу проводить его к месту преступления.

Темные полотна ткани, скрывали стены, заглядывая за них, сыскной не видел ничего, кроме зеркал. Разбитые стекла в окнах заменили, но между рам остались маленькие осколки. Алексей Дмитриевич осмотрел кровать, а после и около нее. Паркет поцарапан не был, как и думал асессор, ни о каком мифическом звере и речи быть не могло. Он вышел из спальни и направился к трапезной. Но почуяв легкий сладкий аромат, схожий с благовоньем, настолько тонкий, что казалось, тянется от некой светской женщины, решил разведать, откуда сей запах исходит.

Аромат шел из дальней комнаты на этаже, дверь в нее оказалась не запертой, даже слегка приоткрытой. Алексей Дмитриевич заглянул в щель и увидел спящего в кресле молодого князя. Он вошел в кабинет тихо, дабы не разбудить Михаила, и оглядеться.

Кабинет был ухожен. Возле окна стояло большое бюро, а за ним мягкое кресло. По правой стене, высились полки с множеством книг и передвижной лестницей возле полок. Слева, над диванчиком, висел большой портрет Александра Павловича Романова, во весь рост императора. Рядом портрет поменьше его сына, императора Николая. Портрет висел прямо над спящим в кресле князем, запрокинувшим голову назад.

Это был кабинет Владимира Михайловича, как понял асессор.

Странный, сладкий запах, отдаленно напоминавший ладан, словно исходил от стен, но этот был стар, и сласти сильной не имел, а скорее горчил. Не паутин, ни пыли, в кабинете не было. Вероятнее всего, здесь постоянно убрали, и все было так, как раньше, при прежнем хозяине.

За окном послышался женский голос, асессор решил любопытствовать и, отодвинув тюли, выглянул в окно. Довольно упитанная женщина, по виду, кухарка, за что-то ругала полураздетого батрака, но тот совсем не обращал на нее никакого внимания. Стоя спиной к кухарке, высоченный мужик, колот дрова. Его широкий торс, покрылся каплями пота, хоть мужик и был раздет по пояс. Словно представив себя обнаженным на холоде, Алексей Дмитриевич передернулся.

– Это Прощка! Он глухонемой. – Послышался пьяный голос Михаила. Асессор обернулся. Глаза князя были полуоткрыты, на лице блуждала улыбка. – Я б его, как... – будто что-то вспомнив, князь замолчал. – Но ничего, – вставая из кресла, продолжил Михаил. Князь подошел к окну, и посмотрел вниз. Улыбка стала озлобленной и надменной – теперь Проща в моих руках.

– Как кого? – Прищурился Алексей Дмитриевич. Он сел в кресло и стал нагло рассматривать, все, что находилось в ящичках бюро. – Как Агнессу Павловну? За что вы так, со своей матерью?

Оправдываться было бессмысленно.

– Одиннадцать лет назад, – начал рассказ Михаил, даже не поворачиваясь к своему собеседнику. – Прохор ударил меня по голове, случайно, но он должен был быть осмотрительней. Вы можете себе представить? Крепостной ударил князя! Каков сюжетец?! – Он с отвращением плюнул на пол, ненависть кипела в душе Михаила. – Ему тогда уже было двадцать шесть лет. Я приказал выпороть его, но маменька запретила. Она совокуплялась с ним... с этим животным! Падшая женщина, как она могла, так поступить? Маменька очернила наш род.

– А Афанасий? Афанасий просто попался под руку? Оказался не в то время, ни в том месте? – Предположил сыщик.

Михаил лег на диван и истерически рассмеялся.

– О, не-е-ет. – Протянул князь. – Иногда она спала и с ним, а порой они кувыркались в постели втроем. В эту ночь, я дождался, когда стоны закончатся. Управляющий и не думал

встретиться со мной у дверей маменькиной спальни. Каково его было удивление... – князь вздохнул. – Вы не представляете то облегчение, испытываемое мной, когда я, перерезав горло Афанасия, принялся за эту шлюху. Она вопила, но не долго, потом, отломив кусок от скудельной чаши, принялся рвать кожу на них, подражая тому зверю, что забивает девок в наших краях. Затем пришла прислуга.

– Что же теперь делать? – Лицо асессора побагровело, в голове все шло кругом. – Мне надо выпить. – Князь поднялся и достал бренди из бара, что долго прятался в старом глобусе, стоявшем в углу, и налил напиток в стакан «сыского». – Вы говорите так о маменьке, – сделав большой глоток, произнес Алексей Дмитриевич – а как же ваши отношения с бароном?

Михаила разорвал смех.

– Вы подумали, что я и Питер извращенцы – содомиты? Барон привозит мне опий. – Теперь асессор понимал, что за странное благовоенье, распространялось по дому. – Мне надо было немного расслабиться, всего-то. Князю не пристало покупать эту дрянь, вот Питер мне и помогает. – Смех прекратился. Михаил сел в кресло за бюро и буквально впился глазами в Московского гостя. – Ну, что теперь со мной будет, каторга или виселица? Или дадите мне убежать в Европу, а я вас, за это, щедро награжу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.